

Перспективы партнерства Россия – НАТО и позиция США

Ахмед Айдамиров

НАТО за лучшие отношения с Россией

В конце 2009 г. внимание военно-политических и дипломатических кругов как в России, так и на Западе привлекли заявления генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена о том, что альянс – не угроза для России, а ее партнер в противодействии общим вызовам. Примерно эта же мысль прозвучала на впервые созванном после грузинской агрессии против Южной Осетии заседании Совета Россия – НАТО в Брюсселе и во время визита генсека НАТО в середине декабря в Москву.

НАТО является не угрозой для России, а партнером в противодействии общим вызовам. Об этом заявил Андерс Фог Расмуссен на встрече с Президентом РФ Д.А.Медведевым¹.

В качестве примера генсек НАТО привел нестабильную ситуацию в Афганиста-

не, которая может превратиться в проблему с точки зрения распространения терроризма и наркотрафика, в том числе для России. «Убежден, что для России жизненно важно, чтобы мы достигли успеха в Афганистане», – сказал Расмуссен.

Он подтвердил, что «одним из главных приоритетов его работы на посту генсека НАТО будет укрепление отношений с Россией, повышение взаимного доверия и продуктивности контактов».

«У нас есть расхождения по ряду направлений, но есть и потенциал для усиления сотрудничества», – убежден генсек.

В частности, полагает Расмуссен, Россия и НАТО могли бы развивать сотрудничество по таким направлениям, как оружие массового уничтожения и борьба с пиратством. «И все это пойдет как на благо российским гражданам, так и гражданам стран НАТО», – считает он.

АЙДАМИРОВ Ахмед Мусаевич – специальный представитель президента Чеченской Республики в Москве, министр Чеченской республики. E-mail: Ahmed2865@mail.ru

Ключевые слова: Организация Североатлантического договора, партнерство, вызовы, Южная Осетия.

В руководстве альянса в последнее время прослеживается линия, по словам Расмуссена, на «усовершенствование взаимоотношений между Россией и НАТО».

Ушедший 2009 г. оказался очень трудным, хотя и сопровождался рядом позитивных для России изменений. Одним из таковых можно назвать пересмотр позиции Евросоюза и НАТО по кавказскому конфликту 2008 г.

Важными для Москвы оказались вопросы, касающиеся военно-политической безопасности страны. Главное место здесь занимало обсуждение инициативы Президента Д.А.Медведева о разработке договора о европейской безопасности, проект которого недавно был разослан лидерам стран Евроатлантики. Россия в принципе удовлетворена тем, как развивается дискуссия на эту тему. Реакция западных партнеров показывает, что проблемы в архитектуре безопасности в Евроатлантике признаются всеми.

Тем не менее Москва вынуждена признать, что большинство членов НАТО сопротивляются появлению подобного документа и продолжают настаивать на необходимости не создавать новое, а реформировать то, что уже есть. России заявляют: НАТО меняется, давайте делать что-то вокруг альянса, а остальным – тем, кто не собирается в НАТО вступать, – не стоит бояться. НАТО уже другое, нет холодной войны, Восток и Запад не противники и т.д. Но это не ответ².

Еще одним важным событием стало переосмысление Западом последствий кавказского кризиса.

Первая реакция Европы и НАТО была выдержана в духе холодной войны. Однако впоследствии многие члены блока в доверительных контактах с российскими дипломатами были вынуждены признать, что у Москвы не было другого выхода. Но, руководству-

ясь логикой солидарности, НАТО и ЕС были вынуждены публично озвучивать иную позицию: Грузию обидели, нарушили ее территориальную целостность. Сейчас все это ушло, а продолжающие по инерции звучать на сей счет заявления вызывают чувство неловкости даже у членов НАТО и Евросоюза.

Вместе с тем в западных странах появилось четкое понимание необходимости поддерживать стабильность в регионе и не допустить повторения тех событий. Евросоюз теперь всячески пытается удержать Саакашвили от рецидивов силовых рефлексов.

Следует напомнить, что вице-президент США Дж.Байден, курирующий страны СНГ, по выражению американских СМИ, является «горячим сторонником грузинского президента Саакашвили».

Обратила на себя внимание программная речь Расмуссена (осень 2009 г.), в которой он призвал полностью пересмотреть отношения альянса с Россией³. В качестве первого шага генсек альянса предложил создать коллективную систему противоракетной обороны НАТО, США и России. Напомним, как заявили в российском МИД, Россия готова рассмотреть эти предложения.

Вслед за президентом США Б.Обамой, отказавшимся от прежних американских планов по развертыванию системы противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе, о готовности сотрудничать с Россией в вопросах ПРО заявили и в штаб-квартире НАТО.

Нельзя, однако, не видеть непоследовательности в действиях руководства НАТО. Так, в середине января сего года появились сообщения о планах США развернуть ракеты «Патриот» в Польше всего в десятках километров от российско-польской границы, в районе Калининградской области. Этот шаг противоречит интересам российской и европейской безопасности.

Стоит отметить, что впервые за всю историю НАТО Расмуссен посвятил речь не укреплению солидарности внутри альянса, а налаживанию партнерских отношений с Россией.

«Я уверен, что эти отношения обладают наибольшим потенциалом, и в то же время

наиболее отягощены грузом недоверия», – заявил он. И предложил начать новые отношения именно с ПРО: «США объявили о своих планах в отношении противоракетной обороны Европы. Я приветствую эти планы. Теперь мы должны изучить возможность для создания совместной ПРО США, НАТО и России», – заявил Расмуссен.

Возможно ли обновление НАТО?

Создается впечатление, что руководство НАТО готово идти навстречу России и по другим актуальным для нее вопросам. Прежде всего это касается приема в альянс Грузии и Украины.

Расмуссен говорил о том, что НАТО продолжит политику открытых дверей, однако «в настоящий момент обе страны не соответствуют критериям приема в альянс». И предложил создать в Европе такую атмосферу и условия безопасности, «в которых политика открытых дверей сможет продолжаться, но в то же время Россия будет чувствовать себя уверенной».

Тем самым он дал понять, что дальнейшее расширение альянса на Восток будет проходить с некоторым учетом мнения Москвы. Однако, вернувшись в Брюссель из российской столицы, генсек НАТО вновь сказал, что вопрос о приеме Грузии и Украины в альянс не закрыт и что в новом году верхушка НАТО продолжит его обсуждение. При этом известно, что президент Украины В.Янукович отверг идею вступления страны в НАТО.

Как видно из последнего заседания Совета Россия – НАТО, сотрудничество с Российской Федерацией станет одним из заметных в разрабатываемой Брюсселем новой концепции долгосрочной стратегии альянса. Кроме того, генсек НАТО пообещал, что альянс готов внимательно отнестись к соображениям Президента Д.А.Медведева о заключении договора о европейской безопасности.

«Мы должны стремиться к такой структуре евроатлантической безопасности, где интересы России будут отражены», – сказал Расмуссен.

Россия сотрудничает с альянсом и Вашингтоном в вопросах афганского транзита, работает в «шестерке» по иранской ядерной проблеме. Очевидно, натовцев насторожило, что в случае развертывания объектов ПРО, Россия может выйти из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (1987 г.). Напомним, что в своем послании Федеральному собранию в ноябре 2008 г. Д.А.Медведев заявил о возможном отказе от запланированного сокращения трех ракетных полков под Козельском (это 30 стратегических ракет УР-100Н УТТХ) и допустил возможность развертывания у границ Польши (в Калининградской области) оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер».

В целом в начале нового века перед политической элитой Европы стояла дилемма: что лучше – достаточно сильная Россия как партнер Запада и возможный противовес не-Западу или же Россия слабая, неспособная помешать евроатлантистам реализовать свои глобальные планы. Складывается впечатление, что альянс стал также претендовать на проведение операций по управлению кризисами под эгидой ООН и ОБСЕ.

США оказывали НАТО стратегическую поддержку и последовательно сопротивлялись автономным планам европейской обороны (ЕПБО) – при

постоянном содействии Британии как своего самого верного европейского союзника. По каналам двусторонней дипломатии и через НАТО США наращивали политическое давление, чтобы получить контроль над радикальными изменениями в Европе.

В Европе понимали между тем, что США не станут поддерживать политику европейской безопасности и обороны, которая однозначно не укрепляла бы их собственной глобальной стратегии. На сессии Европейского совета в Хельсинки (декабрь 1999 г.) государства-члены ЕС приняли решение двигаться к созданию автономного потенциала.

Война в Косово спровоцировала в Европе широко распространенную по-

литическую поддержку франко-британского стремления к обретению более сильной военно-политической опоры в ЕС, что было вызвано раздражением по поводу бесцеремонных действий США в бывшей Югославии, игнорирующих мнения союзников. Планы Пентагона по решительному разгрому основных центров противника столкнулись там с более мягкими европейскими представлениями к взаимному неудовольствию. При этом подтвердилось, что стратегическая приверженность США в отношении НАТО ослабла: кампанию в Косово американцы уже провели, по существу игнорируя европейский потенциал и стратегические возможности.

НАТО – инструмент политики США

Важный шаг по вопросам европейской обороны был сделан в 1998 г., когда Британия и Франция на двусторонней встрече в Сен-Мало договорились о том, что ЕС следует иметь собственные возможности для выполнения самостоятельной военной роли на международной арене. На этой встрече было сказано, что у Союза должен быть собственный военный потенциал, чтобы предпринимать автономные действия, убедительно подкрепленные военными возможностями.

Что касается Москвы, то она и по сей день справедливо продолжает рассматривать НАТО как инструмент американской внешней политики, в котором Россию по-прежнему во многом определяют на роль Советского Союза периода холодной войны. То есть НАТО, если расставить все точки над *i*, остается антироссийским альянсом. Соответственно, Россия стоит в оппозиции к НАТО, потому что, расширяясь за счет стран Восточной и Центральной Европы, НАТО заведомо при-

ближает геополитические барьеры к российским границам⁴.

Не имея доступа к процессу принятия решений в НАТО, Россия не может влиять на европейскую повестку дня. Со стороны НАТО были предприняты определенные усилия, чтобы дать Москве несколько больше влияния в вопросах принятия решений внутри альянса.

Так, в свое время британский премьер-министр Т.Блэр направил письмо своим коллегам по НАТО, где содержалось пожелание предоставить России более заметную роль во взаимоотношениях с НАТО в качестве «вознаграждения» за поддержку Россией американских действий в афганской кампании, но Пентагон заблокировал это под воздействием четко выраженного антироссийского инстинкта.

Совет Россия – НАТО, то есть новая форма взаимодействия двух сторон, начал работать на встрече в Риме 28 мая 2002 г. Он разрабатывает совместную политику по определенным вопросам, включая борьбу с терроризмом, с распространением оружия массового уничтожения, противоракетную оборо-

ну, поддержание мира и управление региональными кризисами. То есть НАТО сохраняет абсолютную автономию в своем «главном деле» коллективной обороны, но в том, что касается политических консультаций, российские интересы и точки зрения будут, по-видимому, в будущем все больше приниматься в расчет.

Но вряд ли в результате этого существенное недовольство внутри России американской внешней политикой будет ослаблено. Многие в России считают, что при проведении своей кампании в Ираке американцы получили прекрасный предлог, чтобы захватить контроль над путями транспортировки каспийской нефти.

Многие из государств-«изгоев» являются или были в прошлом стратегическими союзниками СССР/России и ее торговыми партнерами. Россия чувствует, причем справедливо, что ее не слушают, что у нее нет серьезного влияния на формирование политики в президентской администрации США или в конгрессе. Если Европа оказалась отодвинута Америкой в сторону, то Россию просто устранили из числа тех, кто влияет на принимаемые в Вашингтоне решения, исключая последний позитивный шаг по ПРО. Это является в какой-то мере почвой для российско-европейского сближения.

Европейские страны, как полагают в США, должны больше расходовать на безопасность и оборону – и по отдельности, и в рамках ЕПБО. Со своей стороны, в Европе считают, что американскому правительству следовало бы облегчить для европейских союзников правила экспортного контроля в сфере передачи технологии, чтобы сократить усугубляющийся разрыв в военных возможностях.

Поскольку США получили доступ к большому объему разведывательных данных в режиме реального времени,

имеют в своем распоряжении более продвинутую военную технологию и по-иному, нежели прежде, относятся теперь к возможности использования силы, считая целесообразным ее превентивное применение, то НАТО перестало быть для Америки привилегированным инструментом атлантического сотрудничества. В изменившихся условиях НАТО не составляет исключительной институциональной платформы для разрешения практических проблем безопасности.

Совершив огромный скачок в военном развитии, американцы оставили своих европейских союзников далеко позади. Это означает, что в будущем союзники по НАТО уже не способны будут проводить военные операции на равном основании.

Как военный альянс, ведомый США, после распада ее главного противника (СССР) Организация Североатлантического договора лишилась старых оснований для продолжения своего существования. Теперь она примеряет на себя роль организации глобальных масштабов по обеспечению международной безопасности. НАТО претендует в этой связи на выполнение задач, включающих вооруженную интервенцию по гуманитарным основаниям, спасательные операции и так называемые операции по поддержанию мира, а также боевые операции антикризисного регулирования, в том числе предполагающие принуждение конфликтующих сторон к миру. Тем самым альянс считает возможным действовать вне непосредственной сферы обороны своих государств-членов.

Многие годы интенсивного и эффективного сотрудничества (политического и военного) как непосредственно в рамках НАТО, так и между странами НАТО и государствами Центральной Европы и Центральной Азии, то есть в рамках Совета евроатлантического

партнерства (СЕАП), облегчили, конечно, формирование коалиции, позволившей оперативно отреагировать на террористический вызов 11 сентября 2001 г. Для европейских стран было относительно просто принять участие в Международных силах по содействию безо-

пасности, призванных создать как минимум видимость законности и порядка в Кабуле и вокруг него после января 2002 г., когда был нанесен серьезный удар по движению «Талибан», так как они могли опереться при этом на многолетний натовский опыт.

Политическая роль альянса

С политической точки зрения НАТО из классической организации трансатлантической коллективной обороны превращается, видимо, в организацию сотрудничества в обеспечении безопасности. 11 сентября усилило политическую роль НАТО.

Новая НАТО при определенных условиях могла бы играть позитивную роль в дальнейшем изменении стратегического ландшафта в Европе, но уже без доминирующего военного компонента, который она имела в прошлом. Нет особых причин, по которым Россия при желании не могла бы присоединиться к деятельности такого рода. США не скрывают, что отныне видят в НАТО источник ресурсов, которые можно использовать по мере необходимости, и не более того. Не европейская безопасность и не интересы Европы определяют с этих пор американский приоритет в мировой политике. Трансатлантические отношения находятся не в лучшем состоянии и останутся таковыми еще достаточно длительное время.

Политические проблемы в отношениях между натовской Европой и США усугубляются массивным наращиванием американского военного бюджета, что, в свою очередь, способствует увеличению разрыва между американскими и европейскими стратегиями и военными потенциалами.

Предложения о том, что Россия могла бы поспособствовать сокращению подобного разрыва, поучаствовать в наращивании европейских воен-

ных возможностей, совершенно нереальны, если вспомнить достаточно недавнюю историю. В прошлом России приходилось воевать именно с европейскими державами, но никак не с США. Нет никакой разумной логики в том, чтобы спешить с наращиванием европейского потенциала, который при определенных условиях может стать угрозой для России.

На фоне определенной эволюции НАТО представление о том, будто Россия в контексте многополярности, способна впредь выступать в качестве независимого центра силы, является небезобидным заблуждением. Для этого потребовалось бы сосредоточить все национальные возможности страны, подчинив их сомнительной, с точки зрения здравого смысла, задаче наращивания российского военного потенциала, причем с заведомо печальным результатом, выражающимся в росте международной напряженности, подрыве стабильности мировой системы и угрозе быстрой утраты Россией территориальной целостности. Цель России состояла и состоит в налаживании партнерских отношений и с США, и с Европой. По вопросам международной безопасности основным партнером в Москве стали считать Соединенные Штаты. Европейская же повестка дня для России в большей мере сосредоточена на политических, экономических и социальных вопросах.

НАТО возникла в качестве ядра западного центра силы биполярного мира⁵, основами которого были военная

сила и идеология, призванная оправдать возможное применение военной силы против коммунистического Востока, который надлежало «сдерживать» (политика «сдерживания» – «*containment*»).

В решение этой задачи НАТО вовлекла почти весь «свободный мир». В то же время она стала несущей конструкцией многочисленных институтов, созданных после Второй мировой войны для «спасения Западной Европы» от хаоса, опасностей и угроз. Они были вплетены друг в друга, противоречили друг другу и дублировали друг друга, становясь, таким образом, институциональной версией будущей военной стратегии «гибкого реагирования» («*flexible response*»), взятой на вооружение США и НАТО. Эта стратегия была сублимированным выражением мощного стремления оттеснить распространение и приемлемость советского влияния («*roll back*»).

Относительная слабость НАТО на самом деле состоит в том, что, в сравнении с ЕС, это значительно более узкая, «техническая» организация, которая в отличие от интеграционного объединения не способна по большому

счету укреплять свою легитимность идеологическими средствами⁶. Но и в техническом плане НАТО более не является привилегированной платформой для координации антитеррористической политики. Но, несмотря на некоторые трения, ЕС и НАТО пока действуют так, как будто между ними сложилось полное согласие. В ЕС, в частности, продолжают утверждать, что для европейских сил быстрого реагирования существуют миссии двух типов – те, которые предполагают использование возможностей НАТО, и те, которые этого не предполагают.

Вызов, стоящий перед Европой, заключается в том, чтобы трансформироваться в партнера для Америки, которого Соединенные Штаты вновь принимали бы всерьез. Вызов для России состоит в том, чтобы при этом ее не использовали в Европе как объект и средство для достижения европейских целей, пренебрегая интересами самой России. Между тем такая тенденция просматривается. США сильны и уверены в себе, а страны-члены НАТО в Европе продолжают искать свою идентичность, отказывая России в культурной общности.

В политическом, стратегическом и культурном отношении США и Европа действительно дрейфуют в сторону друг от друга, так как дисциплина времен холодной войны уже больше не связывает их. Россия не заинтересована в том, чтобы быть средством восстановления трансатлантических связей. Для европейских членов НАТО, в отличие от Соединенных Штатов, Россия не выглядит даже тактическим союзником. Страны «новой» Европы на протяжении продолжительного времени не смогут отказаться от взгляда на Россию как на главный источник угроз и опасности для своего суверенитета. В подобных условиях следует обратить внимание на два важных аспекта взаимоотношений между Россией и НАТО.

Необходимо сделать все возможное, чтобы преодолеть доминирующее в США и НАТО представление о сотрудничестве с Россией и о согласовании с ней своих внешнеполитических акций как о чем-то заведомо второстепенном. Партнерство требует взаимного уважения позиций сторон и взаимной готовности идти на уступки. Сегодня как никогда важно достичь с Североатлантическим альянсом четких договоренностей о принципах его политического и военного взаимодействия с постсоветскими странами, определив масштабы российского присутствия в этих странах и обозначив российские интересы в них. Многие возможности в этой сфере упущены, и промедление представляется недопустимым⁷.

В самом российском обществе должна произойти определенная переоценка степени опасности, исходящей от НАТО. Несмотря на неверие значительной части общества и элит в «оборонительный характер» расширения альянса, НАТО не представляет реальной угрозы России до тех пор, пока Россия не представляет опасности для стран НАТО.

Хотя сегодня военная и экономическая мощь стран НАТО, равно как и геополитическое влияние блока, существенно превосходит российскую, у Российской Федерации есть достаточный инструментарий для того, чтобы найти «симметричные» ответы на расширение НАТО, не говоря уже о том, что и «асимметричные» ответы также могут оказаться востребованными.

Как показали события в Ираке и Афганистане, конфигурации в НАТО могут меняться, причем очень быстро. Важно трезво оценивать мотивы и стремления вступающих в НАТО стран, различия подходов Соединенных Штатов и прежних европейских членов альянса, фиксировать и прагматично использовать возникающие внутри блока противоречия и трения.

Прежде всего следует попытаться нейтрализовать первоочередной отрицательный момент расширения, который заключается в том, что новые члены НАТО, следуя принципу консенсусного принятия решений, в будущем могут весьма успешно блокировать любые инициативы, исходящие от отдельных участников НАТО, по сближению или укреплению сотрудничества с Россией.

В этой ситуации ставка должна делаться на укрепление дружеских двусторонних отношений России с Германией, Францией и Италией в расчете на то, что эти страны, также действуя в рамках консенсусного принципа и обладая гораздо большим авторитетом, чем «новички», смогут блокировать потенциальные инициативы восточноевропейских стран, способные привести к ухудшению отношений с Россией.

Сегодня главные стратегические вызовы, стоящие перед странами НАТО, заключаются в том, чтобы выработать пути мирного сосуществования с арабо-мусульманским миром и найти противодействие новым опасностям постбиполярного мира – международному терроризму, распространению оружия массового уничтожения, дезинтеграции государств и т. д. Эти новые задачи в большей степени требуют единства союза, чем «сдерживания» России.

Примечания

¹ Российская газета. 2009. 18 декабря.

² *Лавров С.В.* Выступление в МГИМО(У) МИД РФ. Департамент печати и информации МИД РФ. 2009. 4 сентября.

³ Коммерсантъ. 2009. 30 октября. Выступление А.Расмуссена в Брюссельском центре Карнеги.

⁴ *Патрушев Н.* Армия у нас есть! Кто претендует на наши земли и как близко подошло НАТО? // *АиФ*. 2010. № 7. 17–23 февраля.

⁵ *Ashdown P.* The End of Western Hegemony // 25.05.2009 <http://www.inosmi.ru/print/248377.html>

⁶ *Когляр В.* Глобальный кризис и отношения США и Европы // *Обозреватель–Observer*. 2009. № 11.

⁷ *Седякин Ю.* Потенция «Восточного партнерства» Евросоюза // *Обозреватель–Observer*. 2010. № 2.